

**Назир
ХУБИЕВ
СВЕТ ВЕРШИН**

Певец гордого Карачая

Назир Хубиев родился в 1934 году в горах Карачая, в семье табунщика. Закончил филологический факультет педагогического института и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького. Первые публикации его стихов появились в Киргизии, когда он еще учился в средней школе. Сегодня Назир Хубиев — автор десяти поэтических сборников, его стихи печатались в журналах «Юность», «Дружба народов», «Огонек», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Наши современники», переводились на языки народов СССР и зарубежных стран.

В наших горах бытует выражение: «Песня слагается в Карачае, а поется в Балкарии». Это свидетельствует о том, как в Балкарии ценили поэтическую одаренность своих соседей-карачаевцев. Справедливость такого мнения подтверждается неповторимо прекрасной изустной поэзией карачаевского народа, который вскормил таких замечательных поэтов, как Исса Каракетов, Азрет Уртенев, Асхад Биджиев. Они успели сделать очень многое для родной литературы, хотя погибли рано. Одним из лучших стихотворений, когда-либо написанных на карачаево-балкарском языке, является «Кавказ» И. Каракетова. На нем учились все мы.

Назир Хубиев — достойный ученик этих замечательных поэтов. Как известно, каждое время рождает свои песни, освещенные его неповторимым светом. Нельзя

быть художником, повторяя сделанное прежде. На созданиях предшественников можно только учиться, не повторяя их. Это хорошо понять с самого начала, как понял Назир Хубиев. Собственно говоря, учиться необходимо всю жизнь. Стихи карачаевского поэта порождены нашим временем, они продиктованы жизнью, заботами и надеждами советского народа, его борьбой и победами, его созидательным трудом, братской дружбой всех народов нашей страны. И в то же время карачаевский поэт крепко связан с родной почвой, судьбой своего народа, как это и должно быть.

Одним из первых дарование Назира Хубиева заметил выдающийся советский поэт, крупнейший знаток Кавказа, незабвенный и неповторимый Николай Семенович Тихонов. Он одарил молодого карачаевского поэта своим вниманием и дружбой, перевел ряд его стихов. Эта встреча была для Назира Хубиева счастливым даром судьбы.

И мои беглые строки продиктованы добрым отношением к Назиру Хубиеву, теперь уже занявшему прочное место в родной поэзии. Он — певец гордой земли Карачая, на которой находятся всемирно известные Теберда, Домбай, Архыз — красивейшие, живописнейшие места Кавказа. Родной край и поэзия Назира Хубиева освещены светом Эльбруса и всех других вершин великого Кавказского хребта.

Родной край поэта воистину прекрасен. Трудно быть достойным певцом такой земли! Но мы верим, что наш Назир сделает все, чтобы достойно нести звание певца Карачая.

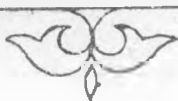
Он в полном расцвете сил. И нам остается только пожелать ему большого победного пути.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

ЖУРАВЛИНЫЙ
КРИК

Орлы

Баллада

Қайсыну Қулиеву

И гул камнепада, грозивший долинам,
И говор громов, сотрясавший Кавказ,
Казались мне в детстве рыданьем орлиным
В таинственном небе, далеком от нас.

Пастух и подпасок, мальчишка с ашугом¹,
Пасли мы на склонах у самых снегов
Серебряных туров. И плыли над лугом
Вступавшие в битву отряды орлов.

Огромное солнце зажглось на просторе,
Угрюмые туры столкнулись на льду,
И грянули скалы, и, грохоту вторя,
Зигзаги зарниц понеслись в пустоту.

И тучи, разбужены громом и градом,
В отару стеклись и к Эльбрусу пошли...
Им вслед поглядел пронизательным взглядом
Ашуг, собеседник небес и земли.

«Быть грозам в горах, — говорили аланы², —
Лишь туры затеют войну и мятеж...
Ты слышишь: кричат над равниной орланы,
К Эльбрусу идут облака на кентеш³»

¹ Ашуг — народный певец и сказитель.

² Аланы — предки нескольких народов Северного Кавказа, в том числе — карачаевцев.

³ Кентеш — совет.

Вдруг все загремело и заговорило,
И ливень ударил, и вспыхнул вдали,
Сквозь тучи прорвавшись, огонь сизокрылый,
И сильные крылья лазурь рассекли.

Вздохнули снега, застонали утесы,
И кажется снова, что небо горит,
И падают тяжко орлиные слезы,
И яростно плавится жесткий гранит.

Я грелся под буркой седого ашуга,
Так жметя к уступу суровой скалы
Усталый орленок, дрожа от испуга...
— Зачем же стенают и плачут орлы?

И старец задумался, мне отвечая,
И молвил: «Так плачут в ненастные дни
Единожды в жизни орлиные стаи,
Прощаясь с отчизною, плачут они».

Баллада о мужестве

Недавно вновь приснилась мне война.
Снега лавиной падали с Эльбруса.
У матерей печаль была одна —
Тревожна мать героя, как и труса.

Недавно вновь приснилась мне война.
Гром проходил горами в тучах черных.
О берега плескалась слез волна.
Рыдали реки по ущельям горным.

Недавно вновь приснилась мне война,
И гибли люди, и луна рыдала,
И кровь лилась, земля была красна,
Могилами планету одевала.

Недавно вновь приснилась мне война.
Плач детский слышу, будто бы в бреду я.
Его мне с гор приносит тишина,
Когда ущельем сумрачным иду я.

Недавно вновь приснилась мне война —
Санчарский перевал вдали дымится,
И, как надгробье, гор крутых стена,
И горы трупов, и кричит орлица.

Недавно вновь приснилась мне война.
Все ледники, где павших спит немало,
Согреты кровью, и несет она
Седые льды по кручам к перевалу.

Недавно вновь приснилась мне война.
Сердца солдат, что здесь сражались смело,
Слились в одно, стряхнув оковы сна,
И стали солнцем над Эльбрусом белым.

Озеро возвращенного меча

Баллада

Лежит большое озеро в Ханое
И нежно плещет теплыми волнами,
Прекрасное, как небо голубое,
Как солнце непокорного Вьетнама.

В нем черепаху, говорят, видали,
Что, как заря, сверкала под водою.
Как иноземцы на страну напали,
Вручила меч побед она герою.

Когда страна была уже свободна
И обратило к миру лик светило,
Тот меч заветный воин благородный
Вернул — вода святыню поглотила.

С тех пор так странно озеро зовется,
Задумчивое озеро в Ханое.
Но вот опять Вьетнам с врагами бьется,
Огонь войны бушует над водою.

Меч, закаленный и в огне и в горе,
Вьетнам вручил народу в час тревожный...
Пока народ врагов не сбросит в море,
Не будет вложен меч народный в ножны!

Всадник

Над хребтом, темнотою крошечной покрытым, —
Вспышки, грома раскаты.

Бушует гроза.

Лес рыдает, как мать над убитым джигитом,
Оглушает гроза, обжигает глаза.

В ночь такую бесстрашно коня направляет
Всадник в бурке,

и путь его только вперед.

Знает он: тьма уйдет, и гроза отсверкает,
Встанет солнце, и доброе утро придет!

Сон

Весна и горы. Теберды ущелье.
Родной аул на солнце стал светлей.
Поет река и в мир несет веселье,
И соловьино вторит сердце ей.

Вот старый дом, меня к себе зовущий, —
Я счастлив, точно детство на заре, —
Лохматый пес, мне лапу подающий...
Обросший мохом камень во дворе...

И камень я, как друга, обнимаю,
На нем отец мой отдыхал не раз.
Седой отец, он так любил, я знаю,
Замшелый камень во дворе у нас!

Лавина

Как лавиною, все мое детство
С головой завалило войной.
Помню: бьет пулемет по соседству,
Всадник падает рядом со мной...

До сих пор, если скрежет лавины
Среди ночи поднимет меня,
Мне все кажется: руки раскинув,
Там, в горах, кто-то рухнул с коня.

Баллада о погибшем брате

I

Весной деревья обрастают мехом,
Зеленым мехом в солнечном бору.
Поля, зимою спавшие под снегом,
Хлебами закипают на ветру.
Но ты не видишь этого, мой брат.

Вершины гор, повитые туманом,
Уже давно раскланялись с зимой,
И журавли крикливым караваном
Из дальних стран спешат к себе домой.
Но ты не возвращаешься, мой брат.

Ведь даже облака простерли руки
К родным горам.
И только позови —
Те облака прорвут кольцо разлуки
И понесут тебя на зов любви!
Но ты забыл любимую, мой брат.

Проснутся реки, встрепенутся горы,
Орлицы снова выведут орлят,
И в сакли, где вчера гостило горе,
Вернется радость, струны зазвонят.
Но ты, ты не вернешься, милый брат...

2

Солдаты, что собою заслонили
Родную землю, безмятежно спят.
Ответьте, безымянные могилы,
В какой из вас лежит мой брат Ахмат?..

Я всем ветрам объятия раскрою,
Пусть волны Волги правду говорят!
Скажите, волны, красные от крови,
Не спит ли там, на дне, мой брат Ахмат?

Седые камни на полях Европы,
Вы видели бесстрашие солдат.
О блиндажи, о старые окопы,
Ответьте, где лежит мой брат Ахмат?

...Я прохожу с поникшей головою,
Испытывая горечь всех утрат...
Березонька с отметкой пулевою,
Не под тобой ли спит мой старший брат?..

3

А маме снится: ты пришел с войны.
Она все ждет тебя, она все тужит.
Ей кажется порой, что сны — не сны.
Нас накормив, тебе оставит ужин...

И смотрит на дорогу день-деньской.
Вот почтальон, но он проходит мимо.
И вслед ему она глядит с тоской.
Глядит угрюмо, горько, нелюдимо.

Она все верит, ждет. С тех самых пор!..
Орлы кружат над нею в небе синем.
И мать глядит на склоны древних гор,
С вершинами беседуя, как с сыном.

Кавказский пейзаж

У пейзажа кавказского нету вины
В том, что тучи похожи на крылья войны,
В том, что грохот лавин канонадам сродни,
В том, что кажется раной открытой родник.
Как сквозь слезы, сквозь время смотрю глубоко,
Но не вижу малины, не слышу дождей,
Это кони храпят, потеряв седоков,
Это алая кровь льется с белых камней.

Героям Марухского перевала

Слились в одно — солдатская отвага
И строгих гор ледовая броня.
И вы назад не сделали ни шага,
Врагов жестоких яростно громя.
Сжимая сталь иззябшими руками,
Вы здесь вели последний смертный бой,
И в том бою не прятались за камни,
А прикрывали камни вы собой.

* * *

Рыдающим эхом ответит скала
Паденью деревьев и вспышке багровой,
Но прыгнет к скале огневая стрела,
И молча расколется камень суровый

Так матери сердце ответит слезой
На слезы твои и на слово призыва,
Но собственной боли укол грозовой
Оно, как скала, сохранит молчаливо.

✓ Журавлиный крик

Опять на деревьях желтеет хурма,
А горы от холода хмурыми стали.
Летят, пробиваясь сквозь плотный туман,
Кричат журавли, что отбились от стаи.

Им трудно умчаться от Родины прочь,
От белых вершин, что взметнулись шатрами!
Как медленно тянется длинная ночь,
Как громко кричат журавли над горами.

Да как, заблудившись в ночи, не кричать,
Не звать, не искать и не верить в спасенье?..
Он будет в душе моей долго звучать —
Тот крик журавлиный средь ночи осенней.

После боя

Степь на покров торжественный похожа.
Так много пуха намела метель
На жесткое пружинистое ложе,
На снеговую жаркую постель!

Багрянец крови с белизною мела
Мешает вьюга, плачет и поет.
Лежит земля, как саван снежно-белый,
Здесь все мертво, но мужество живет.

* * *

Гром громыхнул этой ночью в горах,
Может быть, кони в пропасть упали?
Может быть, молнии сабельный взмах
Путника встретил на перевале?

Гром громыхнул этой ночью в горах.
Плачу подобны гула раскаты.
И обратились утесы в прах,
Повыпадали из гнезд орлята.

Гром громыхнул этой ночью в горах.
Слышен мне клекот снежной лавины...
В нем — и малого тура страх,
В нем — и вскрик материнский, орлиный.

✓ * * *

Не добраться врагам, не пройти, не пробиться
Через сердце мое в мой родной Карачай.
Свил гнездо ты на скалах, как вольная птица,
Мой суровый, ветрами исхлестанный край.

Пусть глаза мне завяжут, оставят в пустыне,
Все равно до тебя добреду, Карачай,
Пусть мне вечную жизнь посулят на чужбине,
Все равно я к тебе возвращусь, Карачай!

В Тебердинском ущелье

Ущелье голубое Теберды,
Твой древний гул, звучащий вдохновенно,
Мне раскрывает чашу красоты,
Где розовый туман
Воздушной пеной
Окутал дали неба и земли —
Массивы горные и облака над ними,
Где речку, как отару, повели
Каменья-пастухи к далекой ниве.

Как наши предки древние — аланы,
Вершины гор от мудрости белы,
И свежий снег молочно, первозданно
Их молодит.

И звучные стволы
Волшебному Домбаю подпевают,
Когда их тронут руки ветерка,
И сочность трав, про осень забывая,
Течет меж сосен, зелена, легка.

И зелень лета сосны сохраняют,
И кровь рябины льется по горам,
Как кровь земли...
Земля моя родная,
Какой строкой себя тебе отдам?..

Бухенвальд

Не дымит крематорий, и в воздухе теплом не чадно.
Цветники пламенеют. Мне больно смотреть на цветы.
Бухенвальд! Среди ран, нанесенных войной беспощадной,
Может, самая страшная рана Земли — это ты.
Каждый камешек твой человеческим горем испытан.
Ноги стали тяжелыми, трудно мне стало идти,
Показалось, что волосы, ленты, пеленочки чьи-то,
Как чужую судьбу, я могу зацепить по пути.
И кричу я Земле: «Что же в гневе высоком равнины
Не взбугрились горами, дорогу врагу преградив?
Что ж могучие горы свои снеговые лавины
И кипящую лаву не бросили вниз на прорыв?
Почему не обрушило небо свои водопады
На костры, где пылали великих поэтов тома?
Почему же от страшного пепла, и дыма, и чада
Не ослепло светило, не стали сильнее шторма?»
Я смотрю на восток, где Кавказ мой, где волжские
плесы,
На восток посуровевшим взглядом в раздумье смотрю.
Там, подобно седым обелискам, белеют березы,
Там листва их набатом гудит на тревожном ветру.

Тоска

Как часто, говорят, я зеркало беру
И на себя смотрю я неотступным взором,
Внимание к себе такое не к добру —
Оно у нас в горах считается позором.

Любимый старший брат мой не пришел с войны,
Ворвались в наш аул враги остервенело,

И карточку его сорвали со стены,
И бросили в очаг. Она в огне сгорела.

Частенько мне теперь рассказывает мать
О брате, что погиб вдали от гор любимых,
Что очень на меня похож был брат Ахмат,
И болен я теперь тоской неисцелимо.

И потому подчас я в зеркало смотрю.
Обычай не забыв, пишу я строки эти.
Смотрю глаза в глаза — я с братом говорю,
Забыв, что это я живу на белом свете.

Когда отцветает в ущельях жасмин

Когда отцветает в ущельях жасмин,
Высокое небо
Взирает угрюмо
И тень
От подножья до снежных вершин
Ложится на горы,
Как черная дума.

Когда отцветает в ущельях жасмин,
Вершины седые
Суровость не прячут
И громкие реки
В оковах теснин,
Как всадники,
С вестью печальною скачут.

Когда отцветает в ущельях жасмин,
Вновь ранит меня
Незабытая дата,

Принесшая в дом наш
С далеких равнин
Слова черной вести
О гибели брата.

Город огненного кольца

Баллада

Когда блокады беспощадный голод
Тебя терзал, когда трещал мороз,
Ты жил и ты сражался, храбрый город,
Под плач детей и раненых берез.

Стонала ночь береговым гранитом,
На крыши падал бесконечный гром.
И люди стали твердым монолитом,
Спасая каждый памятник и дом.

Дымились облака тревожной стайкой,
Земля и небо — все вокруг тряслось,
В твоих домах беда жила хозяйкой,
Но дух людей сломить не удалось.

Кольцо огня ты сбросил в море, город,
Прошел сквозь шквал свинцового дождя
И, слит с народом, словно серп и молот,
Остался верен имени вождя.

Ты словно песня мужества и солнца,
И пред тобою, сказочный солдат,
Как пред Эльбрусом, я папаху горца
Снимаю, легендарный Ленинград!

Воспоминание

Баллада

*Посвящаю детям, погибшим от рук фашистов
в Тебердинском ущелье*

Былое не стирается, с годами
Трагедия войны еще ясней.
Планета обливается слезами,
Ведь убивают на земле детей.

Шел сорок третий.

Помню, над горами
Растаял снег, трава была видна.
Украшенная первыми цветами,
Шагала тебердинская весна.

Мы в Микоян-Шахар¹ под самый вечер
Пришли пешком из Верхней Теберды.
И здесь война, что рушит и калечит,
Нам показала черный лик беды.

Лежали в яме маленькие дети —
Не пощадили детства палачи.
Рыдали травы, небо, горы эти,
И тихо звезды плакали в ночи.

Картины детства, вы — всему основа,
Живете вы, нетленные, во мне.
Детей убитых вспоминаю снова
В родном ущелье, на святой земле.

¹ Микоян-Шахар — прежнее название города Карачаевска.

Косички, заплетенные руками
Уже давно погибших матерей,
И ленточки встают перед глазами —
Алее маков, неба голубей.

И с той поры, особенно весною,
Когда иду ущельем Теберды,
Я слышу детский плач над всей Землею,
Во мне горит пожар большой беды.

И вновь гроза над древними горами,
И вновь черны густые облака.
Мне кажется, с тех пор их голосами
Здесь громко плачет горная река...

Родник

Как чувство передать? Ни словом, ни рассказом
Его не удержать, так смысл его велик,
Оно — как солнца шар над брезжущим Кавказом
Иль — в сердце ледника мерцающий родник.

Закон его судеб во тьме непостижимой
Крылами зашумит над смолкшею землей,
И кажется любовь звездой неугасимой,
Глядящей с высоты на яркий отблеск свой.

У очага

Внимала мне вершина, в окна глядя.
Сияли звезды над зубцами скал.
Стихи из школьной тоненькой тетради,
Свои стихи я матери читал.

Как счастлив был тот мальчик, вдохновенно
Стихи читавший, — и не мог устать!
А в очаге лизал огонь полено,
И на меня глядела нежно мать.

И вновь над саклей вьются кольца дыма,
Вновь пламя обхватило головню...
И, как, бывало, матери любимой,
Стихи читаю — жаркому огню.

Нет матери — и сакля стала ниже,
Поблекшим звездам ярко не сиять,
И не гнездятся ласточки под крышей...
Стихи читаю у огня опять.

И кажется — осталась в нем частица
Ее тепла, тепла ее души,
И солнце детства ласково струится...
Не исчезай, помедли, не спеши!

Летят года и машут мне крылами,
Их веренице вслед гляжу с крыльца,
И мечется, изнемогает пламя,
Как птица, потерявшая птенца.

Тебя уж нет. И сердце мне пронзила
Разлуки боль в ущелье Теберды.
Едва мерцают надо мной светила,
Полна печали песнь живой воды.

Мне кажется, что в этот час печали
Стал медленней потока бурный бег,
Мне кажется: вершины ниже стали,
Прохладней — солнце и темнее — снег.

Но там, где пламя полыхает ало,
Я молча сяду, голову склоню.
И, как любимой матери, бывало,
Прочту стихи струистому огню.

Родина

Без тебя я — бескрылый орел,
Без тебя я — ущелье безводное,
Без тебя я — себя б не обрел,
Без тебя я — растение бесплодное.
Без тебя я — потухший очаг,
Без тебя я — что сакля пустая,
Без тебя я — давно бы зачах,
А короче — ничто без тебя я.

Эльбрус

Николаю Тихонову

Ты словно из сказания о нартах.
Как белый тур, привязанный к хребту,
Над всей планетой в облаках лохматых
Рогами подпираешь высоту.

Тебя увижу — мнится: жизнь не стлала
Бед предо мной.

Былые дни — ясны.

И мать моя землей еще не стала,
И брат уже вернулся с той войны.

Ты для меня — единственный на свете,
Чистейший, словно совесть на земле,
Мудрейший из мудрейших на планете,
С морщинами раздумий на челе.

Когда мне горько — тучами печали
Нахмурен ты... Когда же отлегло —
Как будто только солнцем увенчали
Твои вершины, так от них светло!

Какое счастье — я судьбой отмечен,
Благословлять готов твой каждый склон,
С тобою рядом, как и ты, я вечен,
Над суетным и мелким вознесён.

Как белый тур из древнего сказанья,
Привязанный к хребту, стоишь, храня
Над головой моей небес сиянье,
Невзгоды ты отводишь от меня.

С Эльбруса я пришел

Из царства гор, где песня водопада
Очаровала некогда Карча¹,
С Эльбруса я пришел... И льдов прохлада
Мне шлет привет рассветного луча.

И мой Эльбрус горит в ночи звездой,
Он стережет покой земли родной,
Пылая самоцветными снегами,
Как бы паря над горными хребтами.

¹ Карча — легендарный прародитель карачаевцев.

И новым солнцем синь вершин объята,
Дрожит, переливаясь, златоткань,
Но эти камни нам дороже злата,
Куда красивей серебра Кубань!

И помнят волны яростной реки,
Как вел полки по грозным кручам Киров.
И славу партизанских командиров
Ашуги воспевают, старики...

Поет зурна о подвигах, и строго
Задумались немеркнущие льды,
И помнит горцев доблестных дорога,
А скалы сохраняют их следы.

Доныне наши славные места
И Лермонтова помнят, и Коста¹,
Еще живут свидетели былого,
Поившие айраном Льва Толстого...

Из царства гор, где песня водопада
Очаровала некогда Карча,
С Эльбруса я пришел... И льдов прохлада
Мне шлет привет рассветного луча.

Большие деревья

Баллада

Гроза не страшна вам, вам яростный ветер не страшен
Собой заслоняете нас от невзгоды любой.

¹ Коста Хетагуров — великий осетинский поэт.
Ему было 11 лет, когда его отец Леван навсегда переселился
в Карачай.

Большие деревья, вы там, у вершины, как стражи,
Надежно храните земли тишину и покой.

Когда в небесах разгорается пламя рассвета,
О как вы спешите его донести до земли!
А сумерки лягут — как будто бы в траур одеты,
Печально и строго темнеете в синей дали.

Когда же война зазвучала в горах канонадой,
Вы рядом с солдатами гибли в суровых боях.
Но все же, срастаясь с немою гранитной громадой,
Вы солнце держали на крепких и сильных плечах.

В огне и в дыму, перемешиваясь со снегами,
Кровавый поток меж камнями к подножью спешил.
Но, не отступая, стояли вы перед врагами,
Большие деревья, растущие возле вершин.

С героями вместе, их мужество видя воочью,
К высотам победы взошли вы нелегким путем.
Большие деревья, деревья земли моей отчей,
Всегда и повсюду вы стоя приемлете гром.

Весенний день в Пятигорске

В Горячеводске громыхает гром,
Над Кабардинкой облачность густая.
Сверкает молния над Машуком,
Но солнечно пока что над Бештау.

Над Арфою Эоловою — темь,
Здесь ливень пролетает оголтело.
А там, над Юцей, солнце между тем
Лучей не прячет золотые стрелы.

Пусть пляшет дождь, пронзая вышину,
Пусть всходят травы яркие повсюду,
Пусть ласточки несут с собой весну —
Весенний мир всегда подобен чуду.

Рождается земля весною вновь,
Забытой детской сказкой нас тревожа.
И чище потому весной любовь,
И сердце потому весной моложе.

Танцуй же, дождь, над грозною горой,
Сияй же, солнце, над простором милым,
Весенний гром, порадуй нас игрой,
Ты, молния, сверкай на небе мирном.

В Горячеводске гроыхает гром,
Над Кабардинкой облачность густая.
Сверкает молния над Машуком,
Но солнечно пока что над Бештау...

Песня чабана

Рокот горной реки — голос памяти сильной и свежей...
На туманной заре ты спускалась к реке за водой.
Разве мог не любить я промытый песок побережий?
На прибрежном песке отыскал я твой след золотой.

И священные цветы, ведь за ними взбегаешь по скалам
Ты, любимый цветок своевольных, обрывистых круч.
Улыбаешься солнцу, любишься заревом алым,
И пронзил мое сердце его торжествующий луч.

Ты на камень замшелый росинку слезы уронила,
Обожгло мою душу горячей печалью камней.

И когда из окна ты глядишь на ночные светила,
Не в моей ли груди зажжены мириады огней?

За тобой по пятам полетит моя песня потоком,
Увлечет за собой метеоры, цветы и снега.

Ты—багряный рассвет, что встает на Эльбрусе высоком,
Ты — речная волна, я — навечно твои берега.

Осенняя акварель

Так нежно неба синева струится
Над белизною снеговых высот,
Плывет заря, как розовая птица,
И пламя с крыльев золотом течет.

Багряный цвет горит на горных склонах,
Рябины алой полыхнул костер,
Пасется тур в лугах светло-зеленых,
Орел над миром крылья распростер.

Олений клич звучит напоминаньем
О майских днях, но тают на лету
Отряды птиц в воздушном океане,
И грустно опустевшему хребту.

Но я слежу за стаей журавлиной
И вижу возвращенье журавлей...
Цветы нагорья над родной долиной
Сверкнул еще багряней и белей.

Бежит ручей полянами, лугами,
Березы мягко светятся во мгле,
И ласточка проносит над снегами
Письмо весны на маленьком крыле.

Зеленый мир

Лес. Черемуха, береза, алая рябина с тисом
Здесь беседуют чуть слышно в полумраке мгlisto-сизом.

Жить без песни не умеет легкая лесная птица,
Да и лесу жить без песни звонкозвучной не годится...

Словно бабушка над зыбкой, шепчет старая чинара
Леса вкрадчивые сказки, притчи дымчатого яра.

И в зеленые объятия приняли меня, как сына,
Бук и ель, сосна и тополь, можжевельник и осина.

И гнездо свивает сердце под сплошной зеленой кроной,
Ты—мой дом родной и милый,—лес высокий, мир зеленый!

Ночная гроза

Горы древние, седые, горы снеговые,
Вас окутали большие тучи грозовые.

Громким рокотом органа водопады льются,
Будто в небе над горами буйволы дерутся.

Пляшет ливень полуночный над ущельем Белы,
Тучи черные пускают огненные стрелы.

Громким рокотом органа водопады льются,
Будто в небе над горами буйволы дерутся!

Облака

То, как отары в знойный день июля,
Ложитесь вы на горные вершины,
То вязью чуть колеблемого тюля
Скрываете вы грозные пучины.

То, вспыхивая яркой позолотой,
Вы небо украшаете собою,
То, скованные сонною зевотой,
Спускаетесь в ущелье голубое.

То неразлучной стаей журавлиной
Кочуете вы в солнечные страны,
То, поднятые песней соловьиной,
Всю ночь в горах пасетесь, как джейраны.

То, словно зонт из ласкового шелка,
Горянку укрываете от зноя.
То целый день глядите втихомолку
В се лицо, как утро, молодое.

То, устилая белым хлопком дали,
Вы на глазах стремительно растете,
То козым пухом самой нежной шали
Скалистый пик вдруг мягко обовьете.

То инеем ажурным, серебристым
Распишете высокий купол звонкий,
То крышею из тонкой жести чистой
От бурь мою укроете сторонку.

То, как невесты вы под взглядом вдовым,
Смущаетесь, счастливые бродяги.
То, схожи с грузным выменем коровым,
Становитесь тяжелыми от влаги.

То, заскучав над грешною землею,
Вы ливнем низвергаетесь в долины.
То, полные отвагой боевою,
Штурмуете высокие вершины.

То, развернув неслышным взмахом крылья,
Над сказочным Эльбрусом вы парите.
То снова рады встрече, ставшей былью,
С любовью вы на целый мир глядите.

То наш салам несете вы народам,
Что за свою свободу смело бьются..
Но из любого дальнего похода
Спешите вы на Родину вернуться.

Матери ✓

Наверно, этой ночью наши горы
Укроет белой буркой снегопад.
Легко крылу орлицы, под которым
Орлята подрастающие спят.

А твой орел погиб — тебе не спится.
Погиб, а у детей — свое житье.

Ну как не позавидовать орлице
И тем птенцам, что около нее?

Пускай вдали я от родного края,
Мой стих туда стремится, где впотьмах
Молитвы обо мне не замирают
До звездочки последней в небесах.

Я помню, ты стояла на тропинке,
Сжимала посох смуглая рука.
Я видел, ты слезинку, как росинку,
Смахнула краем горского платка.

Печальна ты — глаза мои с рассветом
Не различают солнечную нить.
А если улыбнешься — вся планета
Спешит твою улыбку повторить.

Берлин

* * *

«Детей, как листья,
Вдаль уносит ветер...»
Не говори так, мама, про меня —
Ты без меня жила на белом свете,
Я без тебя не жил еще ни дня.

* * *

Камней не видим под ногами,
А ведь настанет время им
Неумолимо встать над нами,
Как мы сейчас на них стоим.

Жить нелегко

Я живу, если снова рожденью рассвета
Всем своим существом
По-мальчишески рад,
Если с грустью гляжу,
Как над древней планетой
Горы держат и небо, и тихий закат.

Я живу, если женщине лучшей не чужды
Ни огонь в моем сердце, ни наше жилье,
Если служат большой
Человеческой дружбе
И мое откровенье, и слово мое.

Я живу, если белым цветеньем рябины
Растревожен до боли,
Взволнован до слез.
Если я, словно горные реки долинам,
Чистоту сокровенную людям принес.

Я живу, если кручи,
Дремавшие сонно,
Пробуждает весной неожиданный миг.
Если снова ликует беспечное солнце
В широко распростертых объятьях моих.

Я живу, если вижу
В родном поднебесье,
Как орел высоту набирает вдали,
Если мне удаются счастливые песни
О любви, возмужанье и судьбах земли.

* * *

Не одна ли, о горы, прекрасная мать
Подарила нам белый свет?
Молчаливой горою мне хочется встать,
Стать горою с течением лет.

Если стихнет потоков хохот и вздох,
Значит, мир для меня оглох,
А погаснут снега... От высокой тоски
Не смогу я увидеть ни зги.

* * *

В огне готов гореть, готов тонуть в воде,
Беду готов снести, все вытерпеть в беде,
Лишь только б гор родных не тронула беда.
Ты горы полюбил? — Ты друг мой навсегда.

Огонь в горах

Азамату Суюнчеву

У белых от снега шатров перевала
Плещутся отары негаснущих звезд.
Отсюда веселый ручей-запевала
Долинам и влагу, и песни понес.
А месяц, как рог молодого джейрана,
Пугливо глядит из-за горных громад.

Зато, словно тур, со скалы осиянной
Вниз прыгает смело седой водопад...
Как долго рвались мы навстречу друг другу,
Чтоб свидеться здесь, у ночного костра.
Прекрасен огонь, что рассеял разлуку
И ярко горит у ручья до утра.
И пусть не померкнет отныне вовеки
Свет нашей счастливой и доброй судьбы.
Пускай озаряет и горы и реки,
О мраке недавней разлуки забыв.
Шапа¹ наполняет вином нашу чашу,
С родною землей разговор мы ведем.
Джигиты поют, веселятся и пляшут,
А месяц на ветке горит фонарем.
Нам радости большей, чем эта, — не надо,
Пой, друг мой, я вместе с тобою спою.
Нальем в лунный рог серебро водопада
И выпьем за светлую долю свою.

Иса.

✓ Мои годы

Это не птицы в небе осеннем,
Это годы мои летят.
Птицы вернутся порою весенней,
Годам моим — нет дороги назад.
Огонь их сжигает быстро, дотла.
И было ль тепло хоть на мгновенье
Кому-то у моего очага?
Годы мои ушли молодые,
Ушли, как по рекам, как по дорогам.
Их не задержат вершины седые,

¹ Шапа — помощник тамады.

Их не задержат горы в сугробах.
Наступит в ущельях глубокая осень,
Выпадет снег, и юность пройдет.
Я буду рекой, станет пеной проседь,
Станет волной каждый прожитый год.

Годы мои, как сухие поленья,
Огонь их сжигает быстро, дотла.
И было ль тепло хоть на мгновенье
Кому-то у моего очага?

Свет вершин

Скалы древние спят, как усталые горные боги,
Снятся белым березам туманные белые сны.
Свет огромной луны заливают хребты и отроги.
В белых яблоках кони — хмельные потоки весны.

Золотого огня первобытный и звонкий обломок
Был оторван от солнца крутой богатырской рукой,
И царит в очагах вековой победитель потемок,
Свет могучего нарта, дарящий тепло и покой.

Свет прекрасных очей, ожидания живая зарница,
Путь суровых мужей освещает в чужой стороне.
А в глазах матерей все проносится всадник, все мчится
То на белом, как день, то на черном, как полночь, коне.

Свет высоких вершин я зову незакатной звездой,
Обагрят заря говорливый разлив снеговой.
И тюльпана наклон, ярко радужный всплеск над
волною,
Как далекий привет, на мгновение послан тобой.

Белый свет водопадом обрушился с черного неба,
Звон кинжала в нем слышу и яростный топот коня.
Голос мастера слова и руки создателя хлеба
Я привык узнавать в ослепительном блеске огня.

Свет небесной тропы, где на первое шел я свиданье,
Сохраню навсегда, в это чистое пламя влюблен.
И струится к небес, из тревожных глубин мирозданья
Колыбельная песня, знакомая с первых пелен.

И погаснет огонь человеческой жизни мгновенной,
Но останется свет, словно пламени самая суть.
Свет угасшей звезды, свет погасшего сердца вселенной,
Осветит в небесах человеческий доблестный путь.

Родному народу

Ты без хлеба зимой оставался, бывало,
Но без песни ни дня не остался, народ,
Пусть удачи порою тебе не хватало,
Только с мужеством ты не расстался, народ.

Если песня нужна, чтоб идущий по скалам
Эту песню запел, буду песнею я,
Если нужен кинжал тебе, стану кинжалом,
Чтоб врагов побеждала Отчизна моя.

Волна и камень

Волна морская, шумная волна
Поет про камень, обмывает камень.
Но берег нем. И немоту веками
Оплакивает, светлая, она.

...Одни спокойно, каменно молчат,
Жестоко, мудро — в радости и в горе.
Другие — словно песенное море,
И край их волн, как море, непочат.

Мой берег, молчаливою скалой
Стоишь, ко мне угрюмо прикасаясь,
Там, где я весь, как море, разбиваюсь,
Испепеляя тайный пламень свой.

Терек

Своих ущелий пленник одичалый,
Через века промчавшийся поток,
Ты вечный бой ведешь в горах Дарьяла
И грохот волн до устья проволок.

Ты пролетаешь над хребтами громом,
Ты закипаешь в радужном огне
И валунам, безудержно влекомым,
Даешь приют лишь на каспийском дне.

Ревут быки — береговые скалы,
Готовы к столкновенью их стада,
Но ты, Кавказа пленник одичалый,
Их разделил теченьем навсегда.

И Лермонтов поет о днях Тамары,
И голос сердца с гулом бури слит,
И внемлет небо, и зажглись Стожары,
И вновь звезда с звездой говорит.

Черный сон

Черное солнце садится на нашем дворе,
В мире полдневном черно — ничего не видать,
С горя чернеет серебряный снег на горе,
Сердце чернеет, как снег,—
Умерла наша мать.

Только вчера я богат был.
Я беден сейчас!
Мамины руки не будут меня обнимать.
И на душе тяжело, беспросветно у нас,
Рушатся горы души —
Умерла наша мать.

И облака, опускаясь до самой земли,
Стелются, плачут —
Рукою их можно достать —
Будто бы скорби небесной, белея,
Плывут корабли
Над почерневшей травой...
Умерла наша мать.

Горе разрезало душу рекою Бедой.
Как далеко ты ушла — не найти, не догнать.
Нынче в горах снегопад, и метель над тобой.
Как тебе холодно, зябко под снегом лежать.

Черный мой день в опечаленном доме настал.
Кто меня выйдет теперь у калитки встречать?
В мире большом умирает начало начал,
Если уходит тебя породившая мать.

Разговор с покойным другом

Назиру Качиеву

Погасшая звезда не загорится,
В сухой реке не запоеет вода,
В пустынном небе не сверкнет зарница,
Твой голос не воскреснет никогда.

Я жажду соловьиного напева,
Смолк соловей, весенний сад отцвел.
В густом лесу ищу родное дерево,
Чернеет пень, повален крепкий ствол.

Я с гор принес в твой дом слова привета
Застыл очаг, забывший об огне,
А ты глядишь задумчиво с портрета,
Но что ответит фото на стене?

В толпе десятилетий и мгновений
Потерян голос и растрочен пыл.
Раскрыл тетрадь твоих стихотворений...
Как прежде ты со мной заговорил.

В ночь смерти матери

Баллада

В душе моей рухнули тысячи гор,
И солнце погасло навек,
Расплавился камень, и стонут с тех пор
В душе моей тысячи рек.

В душе моей рухнули тысячи гор,
Рассвет с темной ночью в борьбе,
Погас материнский очаг, и с тех пор
Лишь ветер рыдает в трубе.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И тысячи песен тогда
Замолкли, не вышли на вольный простор,
И мной овладела беда.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И жизнь сократилась моя,
И вместе со мною рыдают с тех пор
В родимом ущелье друзья.

В душе моей рухнули тысячи гор,
Погасли вдруг тысячи звезд,
И тысячи бед в моем сердце с тех пор
Нашли себе тысячи гнезд.

В душе моей рухнули тысячи гор,
Ночь долгая в тысячу лет
Настала, о, сколько слезинок с тех пор
Я пролил, и счета им нет.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И столько ж волос в серебре,
И тысячи воронов вижу с тех пор
На вишне моей во дворе.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И вспенились тысячи рек,
И тысячи слов мне сказали с тех пор,
Какой моя мать — человек.

Я становлюсь то птицей, то растением,
Преображаясь сорок раз на дню!
Гранитом буду — обрасту терпением,
Снежинкой стану — свежесть сохранию.

Зерном проснусь, и колос встанет спелый.
Ручьем пробьюсь — напев исполню свой.
Судьба моя, со мной что хочешь сделай,
Но не лишай земли моей родной.

В небе Родины

Где в небесах
Для птиц граница?
Но в небе Родины сильней
И гулче сердце будет биться,
Родное солнце светлолице,
Под этим солнцем жизнь светлей.

Когда летят к отчизне птицы,
Не знают устали крыла.
И журавлей, как разгорится
Вдали родной весны зарница,
В дороге не задержит мгла.

С вершинами наедине

*Альпинисту
Хаджи-Мурату Магомедову*

Орел засыпает, паря в вышине
Над снежными пиками гор.
И горы родные он видит во сне,
Родного Кавказа простор.

А ты — скалолаз, ты от гор вдалеке
Не можешь спокойно уснуть,
И сердце твое замирает в тоске,
И ты собираешься в путь.

И вот уж тропа твоя вьется, как нить,
Прижавшись к скалистой стене.
Как горы, ты будешь молчанье хранить
С вершинами наедине.

С родными горами вступил ты в союз
И видишь, как спит при луне
Могучий и мудрый красавец Эльбрус
И тихо вздыхает во сне.

Лавины изрыли упорный гранит,
И в вечной своей тишине
Он память о болях былого хранит
С вершинами наедине.

Боль павших героев, защитников гор,
Таит он в себе до сих пор,
И всех водопадов торжественный хор
В их честь оглашает простор.

И, праздник Победы встречая в горах,
Увидит не раз альпинист
Скалу, приютившую война прах,
Суровый простой обелиск.

А летом услышит в горах скалолаз
Стремительный треск ледников,
Увидит, как плачет могучий Кавказ
Слезами холодных снегов.

И первым увидит он утро Земли,
Рассветное небо в огне,
И будет он счастлив от дома вдаль
С вершинами наедине.

Клухорский перевал

Мой кунак

Даниилу Долинскому

Когда весной, прозрачной и туманной,
Щебечут птицы над гнездом моим,
Спешу ко мне, о мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

И летом, когда, солнцем осиянный,
С пером жар-птицы день в горах сравним,
Спешу ко мне, о мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

Я жду тебя, и осенью багряной,
Когда печальный лес неповторим,

Спеши ко мне, о мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

И в час, когда повалит снег неожиданный,
Путь для тебя к нам в горы проходим.
Спеши ко мне, о мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

Ручей

Пускай в ущельях ручейкам и тесно,
Но свет их озаряет мрак ночей.
Журчи, журчи, как жаворонка песня,
Всегда во мне, родимых гор ручей.

* * *

Дорога в степи

благодарна просторному небу
За добрые звезды и лунный несуетный свет.
Ущелье — реке

за причастность к высокому снегу,
За труд и упорство, предела которому нет.
А радуга — солнцу и ливню

за свежие краски,
Что радуют глаз на исходе горячего дня.
А сердце любого из нас —
человеческой ласке...

Которая часто скупа

и обходит меня...

Койшаурская долина

Осенней Койшаурскою долиной
Я проезжал перед началом дня.
Дремали облака. Спал снег вершинный,
Долину белизною осеня.

Спала земля, уставшая от песен,
От половодья света и теней.
И, мне казалось, снам ее был тесен
Весь звездный мир, мерцающий над ней.

И вот уже снега зарозовели,
Шептались листья, будто в этот миг
Ущелье вспоминало Руставели,
Легко шурша листьями его книг.

На древних холмах Грузии осенней
Открылись мне багряные леса,
И грустью увядающих растений
Встающий день туманил мне глаза.

Но водопада шум в знобящей рани
Мне несказанно душу теребил,
Как будто слышал я полет Мерани¹,
И был потока звон — как звон удил.

И у дороги рощица пылала,
И мне ее огонь напоминал
Костер того давнишнего привала,
Где Лермонтов под буркой ночевал.

Вставало солнце.

Таяли росники.

¹ М е р а н и — сказочный конь (груз.).

Склон розовел, хоть был спросонья хмур..
И светел стал, как добрый взгляд грузинки,
Мой путь через долину Койшаур.

Азербайджан

Таёт ночь над каспийской волной,
Рассыпается синий туман,
Расстилагается передо мной
Расцветающий Азербайджан.

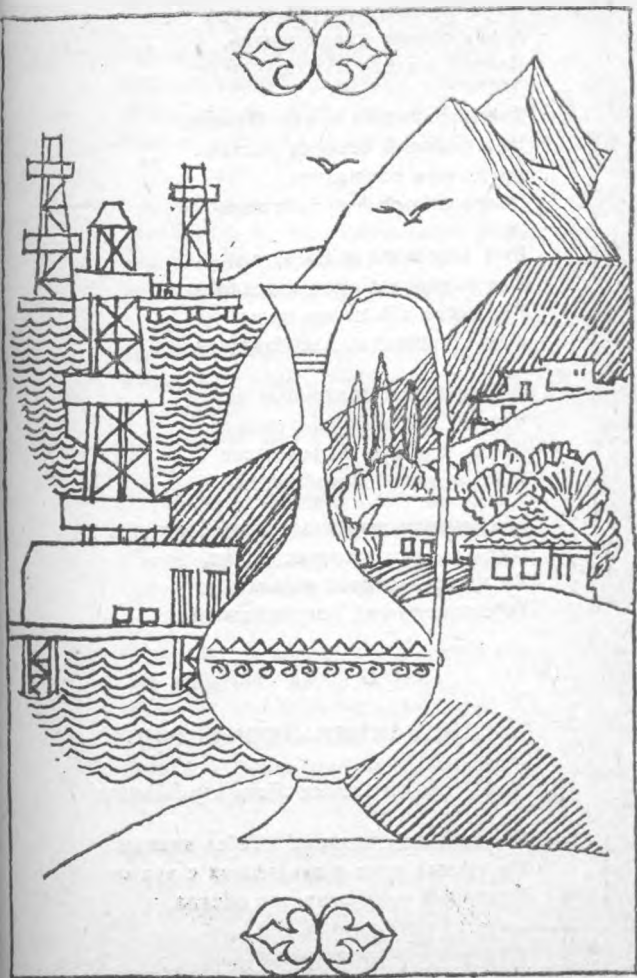
От Эльбруса — поклон и привет,
Труд крестьян твоих и горожан
Благодатен, так пусть твой рассвет
Будет радостным, Азербайджан!

Будут сказкой восточной пиры,
Будет сок виноградный багрян,
Потекут, как напевы, ковры,
Яркокрасочный Азербайджан!

Из Шемахи уходит в Дербент
Светло-розовых туч караван,
Развернулся, как свиток легенд,
Пламенеющий Азербайджан.

Вижу с башни крутой Кыз-кала¹:
Гневом Каспий седой обуян.
И над пеной валов проплывла
Чайка белая, Азербайджан.

¹ Кыз-кала — бакинская «Девичья башня», с которой, по легенде, бросилась в море заточенная красавица (азерб.).

Помнит башня и помнит вода
Косы черные, девичий стан,
И как в море упала звезда,
Помнит молния, Азербайджан.

Здесь грядущим векам Низами
Драгоценный оставил дастан¹.
Гордо имя его назови,
Очарованный Азербайджан.

Был в селении я Салыхлы,
Где родился Самед-великан²,
Где несли его песню орлы
Над вершинами, Азербайджан.

А в глубинах подземных пород
Черной нефти бурлит океан.
Чайка парусом белым несет
В утро новое, Азербайджан.

Ты плывешь под счастливой звездой,
Над цветами весенних полян,
Ты поешь, соловей золотой,
Торжествующий Азербайджан!

Современник Лермонтова

Долгожителю Локману Эбзееву

О, древний человек! Тебе знаком
Мятежный крик в сражениях с врагом,
Подобный грому горного обвала,

¹ Дастан — стихотворная повесть.

² Имеется в виду выдающийся поэт Советского Азербайджана Самед Вургун.

Ты помнишь гул грозы над Машуком,
Когда звезда Поэзии упала.

Ты помнишь, как, копытами звеня,
Шамиль скакал по узкому ущелью
И как звезда на лбу его коня
Роняла искры на дорогу мщенья.

Ты был подобен острому мечу.
Всю жизнь служил свободному народу —
Его Борьбы слепящему лучу,
Его Мечты орлиному полету.

Ты был абреком горной, вышины,
Достойным сыном гордого Эльбруса,
И Канамата — звуками зурны —
Восславила твоя земная Муза.

О, Человек! Поведай свой рассказ
О Лермонтове — древний и печальный:
Струились ливни из небесных глаз,
Оплакивая взор его прощальный.

И помнит Млечный Путь твоих ссдин,
Как на дорогу выходил один
Пиит во мгле предутреннего часа
И, слыша, как с звездой говорит
Звезда — зарю грядущего Кавказа
Звездой строки приветствовал Пиит.

Он рухнул в бездну горя и страданий...
Смерть гения — невыносимый груз
Для сердца,
До сих пор хранит Эльбрус
О нем немало былей и преданий...

О, древний человек! Тебе знаком
Мятежный крик в сражениях с врагом,
Подобный грому горного обвала,
Ты помнишь гул грозы над Машуком,
Когда звезда Поэзии упала...

2 ✓ Мое гнездо

Мне снились горы — вдалеке от пиков поднебесных,
С тех пор тоска по ним — моих не покидает снов...
Как с матерью — на языке полузабытой песни,
Люблю с горами говорить на языке орлов.

Взирают горы на меня с любовью и укором,
И вновь становится душа крылатой — оттого,
Что мой родной язык — родня орлиному, который
Родил и песни, и стихи народа моего.

Я долго тосковал — вдали от родины — по синим
Горам, и снилась мне вершин скалистая гряда...
Я так спешил к тебе, в пути от жажды обессилив,
К твоим прозрачным родникам, родная Теберда!

Здесь солнце льется — как нигде! —

с небес лучистой лавой,

Здесь — как нигде! — напевы рек мятежны и нежны.
Ты — парус Жизни над моей ладьей, мой белоглавый
Кавказ, — кому, как не тебе, стихи мои нужны?..

Мне снились горы — вдалеке от пиков поднебесных,
С тех пор тоска по ним — моих не покидает снов...
Как с матерью — на языке полузабытой песни,
Люблю с горами говорить на языке орлов.

Домик Лермонтова

Наталье Капицовой

Была войной охвачена планета.
Вся в черном, но сединами светла,
Вдруг в Пятигорске к домику поэта
Немолодая женщина пришла.

Ей сердце жгла тяжелая утрата.
Издалека добравшись налегке,
Стояла мать погибшего солдата
С кизиловою палочкой в руке.

Стояла мать, вздыхала и молчала.
Упал на землю замертво джигит,
Но лермонтовский томик
Был сначала
В его кармане пулею пробит.

Бывают люди в домике поэта.
И, не пытаясь памяти унять,
В день смерти сына —
В черное одета —
Сюда из года в год приходит мать.

Одинокая могила¹

Осенний ветер налетает стыло.
Глубоких дум все неразрывней круг.

¹ Известный военный топограф А. В. Пастухов, покоривший Эльбрус, Казбек и Арарат, завещал похоронить его на вершине горы Машук.

Видна мне одинокая могила
Под облаками на горе Машук.

Над нею белый ливень плачет часто,
Ветра несут дыханье высоты,
Сияет солнце и снега лучатся,
Мерцают звезды и цветут цветы.

Здесь горному орлу спокойно спится.
Здесь тишина — земли и неба связь.
Смерть реет где-то ниже этой птицы,
Спугнуть ее бессмертие боясь.

Три каменных подушки в изголовье:
Седой Эльбрус, Казбек и Арарат.
Среди кавказских горцев есть присловье:
Без неба жизнь для птицы — словно ад.

Отсюда дня является рожденье.
Здесь солнце греет камни жаром рук.
И по утрам заря горит в волненье
Над той могилой на горе Машук.

Орлы бессмертны. Нет на свете силы,
Чтобы о них развеять память вдруг.
...Видна мне одинокая могила
Под облаками на горе Машук.

У могилы матери Кайсына Кулиева

Снегами твой очаг гасили горы,
Ложился на тропу твою туман.
Но в жизни ты на солнечную пору
Надеялась всегда, Узеирхан!

В холодные и жаркие години,
Познав и мир, и тяготы войны,
Ты, словно наши гордые вершины,
Держалась в ожидании весны.

Твоим заботам не было предела:
Давались трудно мир, еда, житье.
И все же сердце чуткое твое
В лишениях добротой не оскудело.

И золотой характер не случайно
В наследство получил твой мудрый сын.
Своей строкой мне открывает тайны
Учитель мой — большой поэт Кайсын.

Дружил он с детства с песнею и с жизнью,
Всегда любви исполнен и тепла.
Воспел тебя он, милая Отчизна,
Воспел тот светлый путь, что ты прошла.

Сегодня шестьдесят Кайсыну.
Это
Немалый, знаю, срок в его судьбе.
И все же прежде, чем обнять поэта,
Я кланяюсь вершинам и тебе.

Здесь, за аулом горным, не впервые
Мне твой погост открылся, мал и тих.
Когда бы жили на земле святые,
Считалась ты б святее всех святых.

Я понимаю, там бессильно слово,
Где небом вечный снег вершин пропах,
Где реки с гор срываются сурово,
Где туры держат солнце на рогах.

Я кланяюсь земле, небесной сини,
Заре и женской непростой судьбе.
Узеирхан!
За нашего Кайсына
Горам спасибо трижды и тебе!

Подкова

Кериму Отарову

Как месяц над водою родниковой,
Как знак судьбы и памяти живой,
Лежит в горах старинная подкова,
Прославленная доброю молвой.

Подкова как судьба была сурова!
Жестокий дождь и снеговая мгла...
Была чиста хранительница крова,
И ржавчина пристать к ней не могла.

Она сулила счастье, оттого-то
Назвали город именем Налчк¹...
И широко распахнуты ворота,
Гостеприимства не иссяк родник.

Керим, я помню: в черный час ненастья,
Промчавшись сквозь огонь, пройдя туман,
Подкову заблудившегося счастья
Ты по земле искал, как талисман.

Взошла звезда в миг нашей краткой встречи,
Горит звезда — твоя судьба, Керим!

¹ Налчк (Налчик) — в переводе с карачаевско-балкарского означает — подкова.

Сливаются течения горской речи,
И вместе мы над городом стоим!

Я счастья твоему желаю дому,
Чтоб вечен был подковы чистый свет,
Чтоб вышел ты навстречу мне, седому,
С улыбкой и вином спустя сто лет.

Чучхурский водопад

Вершины белый бивень,
А ниже — горный склон.
И ты — весь гром и ливень,
Порыв и камня стон.

Здесь скалы словно зубры
Застывшие стоят.
И, как драконьи зубы,
Здесь на земле лежат
Былых вершин обломки,
Обросшие травой...
И надо всем — твой громкий
И вечный голос твой!

Сквозь искристую роздымь,
Высоко, как салют,
В тебе играют звезды
И радуги встают.

И сразу, как проснется,
Под гомон птиц и плеск
В тебя ныряет солнце,
Тебе даря свой блеск.

Стою...

Высь голубая,
Мощь снеговых громад.
И — музыкой Домбая —
Чучхурский водопад!

Явился я на белый свет

Явился я на белый свет,
В распахнутую даль,
Чтобы познать на гребнях лет
И радость и печаль.

Явился я на белый свет —
Кавказа вольный сын,
Чтоб силе духа — не секрет —
Учиться у вершин.

Явился я на белый свет
И говорю: — Живи! —
Тому, чему исхода нет
В отваге и любви.

Явился я на белый свет
Пожизненно гореть
И мир, который был воспет,
По-своему воспеть.

Явился я на белый свет,
Чтобы, презрев обман,
Найти для мира амулет
От бед его и рап.

Явился я на белый свет
И, человек земной,
Стремлюсь оставить в жизни след
Под желтою луной.

Золотой лист

Короче день, длиннее ночь.
Желтеют склоны гор печально,
И, уносясь куда-то прочь,
Лист золотой горит прощально.

Уже береза поутру,
Когда придешь ее поведать,
Спешит, качаясь на ветру,
Тоску осеннюю поведать.

Курлычут в небе журавли
И, плача, в сизой дымке тают.
Но прежде, чем пропасть вдали,
Они сквозь сердце пролетают.

Сквозь сердце .. а под облака —
Потом,
И крылья их, как руки,
Все машут мне издалика...
А в небе — желтизна разлуки.

Эх, птицы, был я дольше вас
С горами разлучен родными,

Но сердце, помню как сейчас,
Лишь ими наполнилось одними.

Не потому ли дорог мне
Лист, золотым огнем горящий,
В родимой горной стороне
С родной березой говорящий.

Кружась, летит он меж ветвей —
Неодолим закон природы,
И с дерева судьбы моей,
Знать, так же опадают годы.

Все песни осени слились
В одну — широкую, большую...
Спой, золотой осенний лист,
Мне эту песню золотую!

* * *

Лучше быть мне травинкой на почве родимой,
Чем высокой сосной средь чужих тополей.
Чем прожить падишахом в стране нелюбимой,
Лучше нищим бродить по отчизне своей.

Чем звездою сиять над страной незнакомой,
В чуждых недрах лежать дорогою рудой,
Стану дымом над крышею отчего дома,
Стану глиной в земле драгоценной, родной.

Родная земля

Пас отары я с детства, пахал поля,
Разве сделать могу передышку в труде?
И безмерно тебя полюбил я, земля,
Разве море дано переполнить воде?

Обнимаю я горы, их свет голубой,
Разве родина сможет меня оттолкнуть?
Был я счастлив, Отчизна, лишь только с тобой.
Разве счастье без родины есть где-нибудь?

Мои стихи

Когда вам к людям не дано пробиться,
Мне снится, что в затмении луна...
И, как на снег садятся стаяй птицы,
На белый лист спустились письма.

Пернатое томится в клетке слово.
Собью засов — перемахнет порог.
И вот летит... А я иду, и снова
Мне каждый шаг длинней былых дорог.

Водопад

Ты сплетен из веселых дождей,
Ты бурлив, беспокоен, могуч.
Ты гордишься отвагой своей
И бесстрашно бросаешься с круч.

И безмолвные горы окрест
Полюбили твой радостный гул.
И клекочут орлы в твою честь,
И несут над тобой караул...
А влюбленные сосны глядят
На кипучие воды твои —
Буйных брызг нестихающий град
Согревают дыханьем любви.
Ты ликуешь, и песни посешь,
И грохочешь, беспечно смеясь,
Как любимая — в сердце мое,
Входишь в песни мои, не спросясь.

Себе

Если сердце твое переполнено счастьем
И уже для сочувствия места в нем нет,
Если слово свое окрылить ты не властен,
То скажу напрямик: ты еще не поэт.

Если ты не взбирался на дику ю гору,
Не глядел, как клубятся внизу облака,
И не мерз до костей в злую зимнюю пору, —
То и цену весне ты не знаешь пока.

Если ты не провел ночь под облачным небом,
Среди гор, и рассвет ты потом не встречал,
И в разлуке с землею родимой не был, —
Ты и силу любви к ней еще не познал.

Если мать в трудный час недовольна тобою,
И с Отчизной своей не связал ты мечты,

И желанных гостей не встречаешь с любовью,
То и подлинным горцем не стал еще ты.

Если ты не шагал по дороге военной,
Не оценишь и мирный отчества дым,
Если ливень тебя не хлестал оглашенный,
То и в бурке пока ты не ведал нужды.

Если смотришь спокойно в любимые очи,
Значит, бурь не изведав, уже ты остыл.
Ну, а если народ свой ты любишь не очень,
То и счастья пока что не ведаешь ты.

ЗЕМЛЯ МАНАСА

Потомок Манаса¹

*Памяти одного из 28 панфиловцев
Героя Советского Союза
Дуйшенкула Шопокова*

В краю небесных гор, как беркут, вырос ты.
Здесь бурей пролетел Манаса конь крылатый,
Достигли здесь небес могучие хребты
И светятся вершин серебряные латы.

И, детскою мечтой раздвинув окоем,
Ты вглядывался в даль: текла река большая...
И, мальчик из Шалты, на палочке верхом
Скакал ты, как джигит, Манасу подражая.

Весною видел ты: тюльпанов огоньки,
Как лоскуты ковра червонно-золотого,
Зажглись в долине Чу, глядятся в гладь реки,
На розовой заре ты видел Ала-Тоо...²

Война. С родной землей расстался ты навек,
Родные тополя руками вслед махнули...
Год сорок первый.
Дым и подмосковный снег...
Как будто мир оглох и в скрежете и в гуле.

Войны тяжелый гром и непрерывный бой..
Бессчетная орда катилась и шагала,

¹ М а н а с — легендарный богатырь, герой киргизского эпоса.

² А л а-Т о о — киргизское название Тянь-Шаня.

Встал на пути врага ваш бруствер снеговой,
Он прочен, как скала могучего Чаткала¹.

Бряцающая и трубя, навстречу шла война,
Росла, как снежный ком, сорвавшийся с вершины,
Но твердо, как сама Чаткальская стена,
Стояла ваша цепь, встречая смерч лавины.

...Вновь плавится рассвет в Краю Небесных Гор,
Озарена страна от края и до края,
И тополя шумят, и задышал простор
Свободным воздухом, прекрасный день встречая.

И все летит река в ущелиях времен...
Но что течение лет пред славою парящей!
Ты песней стал, Дуйшен, в сказаньях воскрешен,
К потомкам ты придешь, как твой бессмертный пращур.

Дерево Манаса

Чингизу Айтматову

В глуши Тянь-Шаня, на горе Манаса,
Тысячелетняя стоит арча.
Порою к ней из тучи седовласой
Несутся стрелы молний, грохоча...

Меж небом и землею, на отвесе,
Стоять на страже дан арче наказ,
Оглядывая зорко поднебесье...
Как дочь, лелеял деревце Манас.

¹ Чаткал — горный хребет в горах Тянь-Шаня.

И, стужей пронзен до сердцевины,
Овеян ветром, снегом убелен,
Ствол высился, и славили акыны
Посланца незапамятных времен.

Как будто бы с небес арча сходила,
Взяв тучи под зеленое крыло,
И зажигала древние светила,
И было на вершинах гор светло.

Похожи ветви дерева на крылья.
И нравится арче в долины слать
И голубого ливня изобилье,
И золотого солнца благодать.

Шумит арча — и звезды не померкнут,
И землю минет лютая беда...
Так мечется над беркутенком беркут,
Когда в зарницах — горная гряда.

В тревожный час арча обрушит скалы —
И враг назад в испуге повернет,
И силою былинной, небывалой
Арча Манаса одарит народ.

Здесь точит небо огненные стрелы,
Здесь бьется сердце чистого ключа,
И, развеваясь на вершине белой,
Шумит, как знамя, древняя арча!

Могила отца

Сухая степь, колючки на пути...
Здесь редок дождь, не редок — суховей.

О, как я мог прожить до тридцати,
Не зная новой родины твоей?

В долине речки Чу, здесь, за селом,
Где отдыхает стая журавлей,
Роняю горько слезы над холмом
Среди осенних выжженных полей.

Прости, отец, я не принес цветы.
Меня дороги скорби привели
Сюда из горных мест, где вырос ты.
Тебе принес я горсть родной земли.

С Эльбруса я пришел, где среди скал
Звонят потоки ледяной воды,
Где ты на флейте в юности играл
И на тропинках оставлял следы,
Где все орлы над скалами парят
И где дорога по тебе грустит.
Но твой очаг погас, и уж назад
Тебя судьба твоя не возвратит.

И мать моя так рано умерла...
Два солнца вдруг погасли для меня,
И скорбь сиротства в душу залегла,
И в очаге не стало вдруг огня...

Сухая степь, тягучий желтый зной,
Здесь вечности покой вокруг застыл.
Лишь журавли курлычут надо мной,
Роняя перья на холмы могил.

Твоя, отец, могила без примет,
Окутана суровой тишиной,
И даже камня над могилой нет,
Но сын сейчас склонился над тобой,

Тебе лежать, отец, в краях степных,
В родных горах приют не обрести.
О, если б мог я на плечах своих
Твой прах в родные горы унести!

Киргизия

Баллада о перевале Сан-Таш¹

Блещет на рассвете
Кунтей Ала-Тоо,
Обагранный солнцем
неприступный кряж.
Близ холма,
кургана древнего крутого,
Проезжал я
снежный перевал Сан-Таш.
Вскрикнул спящий беркут...
Но вершина дышит
Тишиной древнейших,
вымерших времен.
Гул копыт заглохший
камни чуть колышет...
Нет на серых плитах
надписей, имен.
Выжигает зелень
сила солнцепека,
Скалы моет ливень,
воет камнепад...
Нарастает ветер,
дующий с востока,

¹ С а н - Т а ш — считанный камень (кирг.).

Волны Иссык-Куля
на лету кипят.
Некогда нагорьем
двинул свои орды
На киргизов мирных
сам Аксак-Темир¹.
Дрогнули народы,
но вставали гордо
Выступы Тянь-Шаня,
снеговой Памир.
Велено всем воинам
было перед боем
Возложить по камню
на пологий холм...
Вырос холм, взметнулся
в небо голубое.
И вершины стали
ниже все кругом.
И рванулось войско
из теснин в просторы,
Позади оставив
холм огромный тот.
Холм стоял и словно
попирал он горы.
И, казалось, держит
он небесный свод.
Искры высекая,
сталь касалась стали,
Всадники сквозь скалы
мчались напролом
И, в крови по пояс,
землю сотрясали..
Ветер падал птицей
с огненным крылом.

¹ Аксак-Темир — Тамерлан.

На пути обратном
батыры Тамерлана
Взяли свои камни,
братья по судьбе...
Все же уцелевшим
не снести кургана...
Так воздвигли павшие
памятник себе.
Стал восточный ветер
с той поры «Сан-Ташем»,
Ну, а ветер встречный,
западный, — «Боом».
Борется с ним насмерть,
только смерчи пляшут
Над волной озерной,
вздувшейся горбом.
Вихрей поединок
над грядой лазури
Видел я на ранней
розовой заре...
Думал я о времени,
о свирепой буре,
О кургане каменном,
о седой горе.

Аил Шавай¹

Тянь-шаньских гор немеркнущим сияньем облит Шавай,
Внизу — ущелья мгла и рокот рек...
Аил — над их сияньем,
Гнездо орла под крыльями орла!

¹ Ш а в а й — горное селение в Сохулукском районе Киргизии.

Здесь — отчий дом, начало всех почевок.
Ночь.

Пастухи, собравшись у костра,
Сидят и жарят на дровах арчовых
Архаров мясо..
Скоро в путь пора.

В долинах — лето..
На гряде утесов
Веселый ветер лепестки принес —
В краю нагорном, свеж и бело розов,
Еще весною веет абрикос.

Сердца тревожит песнь ключей живая,
Весну торопят песни чабанов..
Влетают в окна девушек Шавая
Снежинки абрикосовых садов.

Когда Шавай покрыт цветочным снегом,
Весь путь свободен, остановок нет..
Идут отары вброд по белым рекам,
Толпа деревьев белых смотрит вслед.

Жаворонок

Бесконечен знойный день весенний,
И горяч в степи моторный гул,
И в небесной зыбкой светотени
Голос нитью солнечной блеснул.

Тракторист глядит на высверк нити,
Жарким солнцем залит небосвод.

Звон стоит застывший, и в зените
Жаворонок радостно поет.

И звенит до самого заката
Эта песня, и от гор до гор
Все, чем сердце птичье так богато,
Пригоршнями брошено в простор.

Ходит море зреющего хлеба,
Льется песни солнечный разлив,
Как впервые, и земля и небо
Внемлют ей, дыханье затаив.

✓ Солдат и пахарь

Воин и пахарь
Особой любовью
Ближе всех прочих
К земле.
Кровью солдата
И пахаря кровью
Землю храним мы
В тепле.

Только солдат тишину понимает
Лунною ночью во ржи.
Только лишь пахарю
Рожь молодая
Шепчет о чем-то в тиши.

Только солдат
Говорить с ней умеет
Тихим дыханьем, без слов.

Только крестьянин
Беседует с нею
На языке лемехов.

Пахарю молвит
Земля золотая
С хлебным поклоном слова.
Жизнь отдаст ей солдат, умирая,—
Вот потому и жива.

Жажда пустыни

Страдая от жажды,
Весь день голосила пустыня,
По жаждущим глинам
Неслышно шагал караван,
И жирного солнца
Ленивая желтая дыня
Была как мираж,
Погруженный в тяжелый туман.
Вдруг черный дымок
Показался над гребнем бархана,
Как будто бы кто-то
Вдали подпалил небосклон,
И двинулось небо
Свирепой ордой Чингисхана,
И землю встряхнули
Стремительный топот
И стон.
Хлестал суховей,
Как свистящая сабля монгола,

Кричали верблюды,
Упорно работал самум¹,
Огромная мельница
Камни ломала, молола,
Ложились плашмя
И вставали
Пески Каракум.

Но схлынула тьма,
И песчаное море уснуло
На вогнутом ложе
Безводного русла реки,
И солнце зажглось
На ветвистых рогах
Саксаула,
На красный песок
Золотые легли черепки.
— Поведай, старик,
Золотую степную легенду
Хорезмской земли,
Столь же древней, как мир пирамид..
— Здесь были сады,
Переливчатой шелковой лентой
Петляла река
Там, где ветер от зноя горит.
Но усталое солнце
Когда-то упало от жажды
На страну моих дедов —
Не стало в ней больше воды.
Эти древние реки
Навек омертвели однажды,
Отшумели однажды
Весенние эти сады..

¹ Самум — песчаная буря.

На верблюде вздремнул
Мой рассказчик,
Мой спутник усталый,
И великое море
В дороге приснилось ему...
И веселое солнце
Бежало полоскою алой
За большим кораблем,
Догоняя лучами корму.
Он спросонок
Привстал...
Где-то влага
Напевно журчала...
Он воскликнул:

«Вода!

Дай напиться!
Вода, ты близка!»
И проснулся от крика...
По руслу прямого канала,
Поднимая пески,
Торопливо летела
Река.

Луна над юртой

В горах струится веянье прохлады,
Трава горит в серебряном огне,
И облаков торопятся отряды,
Бегут над юртой в лунной тишине.

Висят над миром зоркие светила
И в сумрак юрты смотрят свысока,

И, как звезду, светильник погасила —
В безмолвии — чабанская рука.

Кумыса запах, горький привкус дыма
Гнездятся в юрте долгие года,
А лунный свет летит неуследимо,
Звенит, как песня, льется, как вода.

Бежит луна, качаясь и маяча,
Овчарка смотрит на овечий путь,
Но овцы спят, в больших зрачках собачьих
Отары туч пытаются уснуть.

Степь видит сон, прекрасный и мгновенный,
Мерцают звезд тревожных фонари...
Они померкнут в глубине вселенной,
И обнажится красный край зари...

Горит очаг, и первый луч с востока
Пронзает зелень пробужденных трав.
Луна бледнеет, бродит одиноко,
Отары звезд за юртой растеряв.

Киргизское солнце

Из-за вершин лиловых Ала-Тоо,
Над облаками, светлыми как май,
Вставала сказка солнца золотого
И наполняла счастьем синий край.

И, призывавший горы пробудиться,
Был нежен соловьиной песни гром,

И реяла земля зеленой птицей,
Роса сверкала тонким серебром.

Цвели холмы тюльпанами багряно,
И были те холмы озарены
Весной и солнцем алым Киргизстана,
Рассветом и пыланием весны.

Пусть отрочество сказочною птицей
Давно умчалось в дальние края,
О Киргизстан, в груди моей струится
Твой свет, тобой полна душа моя.

...Прочь, ночь
и холодные горы со снегом!
Я верю зеленым весенним побегам,

Я верю восходу,
я верю потоку,
Я верю в добро
и вот в эту дорогу...

* * *

Безмолвие... И я с тобою рядом.
Слов не найти. Душа, не пустословы!
Я говорить умею только взглядом
И только сердцем ведаю любовь.

И не солгут скрестившиеся взоры,
В твоей руке замрет моя рука...
И друг на друга молча смотрят горы,
И долгий взгляд переживет века.

Улыбнись!

Как меня увидишь возле дома —
Раствори окно и улыбнись!
А пойдешь с кувшином к водоему —
Обернись ко мне и улыбнись!

Видишь, солнце горы освещает?
Будь мне солнцем ярким, улыбнись!
Я тебе лишь песни посвящаю,
Для тебя пою их, улыбнись!

Яблоня весенняя в расцвете,
Белая голубка, улыбнись!
Я одну тебя люблю на свете,
И за это ты мне улыбнись!

Если горы нас разъединяют,
Думая о встрече, улыбнись!
Скоро неразлучны будем, знаю,
Будем всюду вместе, улыбнись!

* * *

Ночная тень на плечи Машука
Вразлет, как бурка черная, ложится.
Вот просветлели с краю облака.
Я о тебе все думаю.
Не спится.

От этой думы тает мгла вокруг.
Перед окном стою, рассвет встречаю.
И твоего я сердца слышу стук.
Как солнце, ты спешишь ко мне, родная.

В часы разлуки

После ночи долгой и беззвездной
Пробудится солнце ото сна,
Вслед за стужей рано или поздно
К нам приходит нежная весна.

Ручейки сбегают по отрогам,
Чтоб долины к жизни пробудить.
Разлучила нас с тобой дорога
И должна опять соединить.

Будь верна любви

Фатиме

Когда разлука будет вновь длинна,
Не бойся за меня, но только помни:
Есть бог любви — ты будь ему верна,
И жди меня, и сердце мною полни.

Я по утрам цветка коснуться рад:
Мне кажется, что ты с ним в чем-то схожа.
В ночи звезда притягивает взгляд —
Тебя, тебя увижу в ней, быть может.

Ты не печалься, что пока — одна,
Мы встретимся, ведь встреча неизбежна.
Есть бог любви — ты будь ему верна
И не гаси в себе огонь надежды.

Я раб и властелин любви. Во мне
Она свое гнездо свила, как птица.
И часто мне в полночной тишине
Сиянье глаз твоих в разлуке снится.

Оно теплее солнечных лучей,
Лишь им озарена моя дорога.
Пока я жив — ты в памяти моей.
И мне ль бояться смертного итога?

Мольба о встрече небу не слышна.
Я проложу к тебе пути земные.
Есть бог любви — ты будь ему верна
И жди меня в часы предзоровые.

А без тебя и жизнь мне не нужна.
Так птица без гнезда не выживает.
Любовь — она, как Родина, одна
У человека честного бывает.

Когда разлука выпадет, длинна,
Не бойся за меня, но только помни:
Есть бог любви — ты будь ему верна,
И жди меня, и мною сердце полни.

Дочь степей

Марфуге Айтхожиной

Зеленой сказкой по степным просторам
Пылающий тюльпанами апрель
Спешит — и неземным весенним хором
На землю льется жаворонка трель.
И травы смотрят птичьими глазами,
Росинка — словно звездная слеза,
И солнце скачет, опалив лучами
Своей рассветной гривы небеса.

А ты поешь по-птичьи, навсегда
К степной земле привязана незримой
Струною Песни — непереводимой,

Как музыка, как слезы, как звезда.
Но все, кто плачет и смеется, — все
Поймут слова любви без перевода:
Мерцая в синей дымке небосвода,
Купает солнце в утренней росе
Лучи — и песня твоего народа
Зарей восходит по твоей стезе.
В той песне — степь без края без конца,
Где солнце скачет, словно конь, игриво,
Лаская яблони багровой гривой
И голосом незримого Певца.
Поют перепела —

я узнаю

Твой голос и, не требуя огласки —
Безмолвно, — солнцу юному пою:
Скачи, мой конь, и молодость мою
Настигни в глубине зеленой сказки!
А ты мне о волшебной домре спой —
На ней играл под яблоневою сенью
Мне, мальчику, Джамбул, —
Лучом весенним,
Росою и травинкою степной
Я стану —
Даже мертвых, говорят,
Способны песней воскрешать акыны,
Когда наденет степь цветной наряд
И стаи журавлиные спешат
Домой, покинув чуждые долины.
Я не покинул степь — она во мне
Живет, как жаворонок, в тишине
Взывающий из синевы бездонной,
А по утрам, звеня струною домры,
Горит зарей в небесной вышине.
Мне речь казахская понятна —

в ней

Свивают гнезда соловьи Абая...

Все чаще снится белизна хмельная
Кумыса,

 синева весенних дней
Звучит во мне все ярче, все ясней,
В долину Чу кавказца призывая.

Жду тебя

Ждет орел свою орлицу.
Клен тоскует по весне,
Две реки стремятся слиться,
Гул грозы пустыне снится,
Жду тебя,
 приди ко мне.

Ждет скакун лихой дорогу,
Пеший — грезит о коне.
Грустно травам тонконогим:
Им росы бы хоть немного!
Жду тебя,
 приди ко мне.

Горы ждут всю ночь восхода,
Солнце снится им во сне.
Как невольник ждет свободы —
Дни медлительны, как годы, —
Жду тебя,
 приди ко мне!

Девушка из Сибири

Тихо дремлет
 озеро лесное,
В нем вода прозрачна,
 как роса,
И оно,
 как зеркало большое,
Отражает горы и леса.
А луна,
 улыбки не скрывая,
Нам в глаза
 приветливо глядит.
Я иду с тобою к перевалу,
Что таится
 где-то впереди.
Рассветает.
 По тропе туристы
Вверх идут.
 Нелегок их поход.
Водопад
 пыльцою серебристой
Проходящих тихо обдает.
На крутом
 Клухорском перевале
В это утро
 мы стоим с тобой.
Вот уже
 вершины засияли,
Плещет море
 сказкой голубой.
Ты сейчас
 уйдешь к нему тропкою...
Наш салам возьми
 в Сибирь с собой.

Молча мы глядим
в глаза друг другу,
Что он значит,
этот миг, для нас?
Жаркую твою
пожму я руку,
Может быть,
пожму в последний раз...

Приди

Уходит ночь за горные хребты.
Усталый ветер спать прилег в саду.
У дерева, что так любила ты,
Я вновь и вновь тебя напрасно жду.
Приди.

Вон скачет всадник к дому своему.
Седые к небу тянутся дымки.
Пойми же ты, мне зябко одному,
Хочу коснуться я твоей руки.
Приди.

Орел могучий в утренней тиши,
Крылом касаясь розовой зари,
Навстречу дню грядущему спешит..
Хотя б одно свиданье подари..
Приди.

Лунная сказка

Когда я впервые коснулся руки
Девически-хрупкой, девически-нежной,
Луна озарила поверхность реки
И стала, как в сказке, земля белоснежной.

И горы вокруг, и луна в небесах,
И звезды в волшебных своих переливах —
Все ожило будто на наших глазах,
И вдруг застеснялся я взглядов пытливых.

И шелест листвы потаенной, ночной,
И волны, поющие песни о счастье,
И горы со снежной своей белизной —
Все в нашей любви принимали участие.

Казался мне мир миром сказки, а ты —
Воздушная, в платье с оборочкой синей,
Казалась мне синею птицей мечты,
Сошедшей на землю прекрасной богиней.

Я робко, с волнением коснулся рукой
Воздушного платья — и сердце сгорело,
Оно потеряло привычный покой,
Когда ты приветно в ответ посмотрела.

С тех пор в своей памяти верно храню
И теплый твой взгляд, и ущелье ночное,
И сердце мое не изменит огню,
Когда-то зажженному в сердце тобою.

Желтый день печали и прохлады,
Ожиданье тихое вокруг.
Журавлей осенние отряды
Держат путь к родным горам, на юг.

Голубой далекий край мне снится,
Милый взгляд на том краю земли,
И мое уносят сердце птицы..
Жду, когда вернутся журавли!

Колыбельная

В белый снег оделись горы.
Ночь упала на вершины.
Спи, малыш.

В такую пору
Спят и горы, и долины.
Спи же, мой орленок горный,
Ночью непроглядной, черной.

Облака легли седые,
Снег пушистый обнимают.
А березки молодые
О весне во сне вздыхают.
Ласточка моя, усни.
Спи спокойно до весны.

Вон метель бушует, злится,
Что так долго темень длится.
Но орленку сладко спится
Под крылом большой орлицы.
Спи и ты, орленок мой,
Глазки-звездочки закрой.

Водопад застыл покорно:
Силы буйные иссякли.
Чутко спит котенок черный
У порога старой сакли.

Спи же, рыбка золотая,
Речка скоро не оттает.

Смотрит тур недвижным оком
Из своей пещеры черной.
И в снегу ночном глубоком
Тихо спит аул наш горный.
Спи, хороший мой туренок,
Снег и холоден, и звонок.

Вон во сне крылами машет
Твой весенний белый голубь.
Где-то спит и солнце наше,
И пока долины голы,
Спи, мой белый голубочек,
Крепко спи до первых почек.

День рождения дочери

Мадинке

Пробудитесь, цветы,
 вслед за птицею.
Взмывшей к сини весеннего дня!
Солнце утра встает светлолицее,
Колокольчиком гулко звеня.

Повтори же мне в утро весеннее
Голос ветра, журчанье ключа,
Отражая подснежников пение,
Нежной ласточкой щебеча.

Плещут волны рассветного холода
Серебром соловьиных речей,
Одуванчика пенится золото,
И журчит пробужденный ручей.

Просыпайся же, солнце рассветное!
К нам пришло и рассеяло сны
Утро светлое, утро заветное
С золотыми цветами весны.

Кому дороже сон

Сон дорог младенцу, когда в колыбели
Он видит стоцветные первые сны,
И тем матерям, что давно поседели,
Чьи дети домой не вернулись с войны.

Тому, кто во сне затоскует по дому,
По снежной зиме и зеленой весне...
И все же всех больше сон дорог слепому:
Он видит вселенную только во сне.

Баллада об орленке

Часто, часто по ночам
Видится моим очам:
Явь ли это или сон,

Вижу — на мою ладонь
Сел орленок — смел, когтист —
С гор ко мне слетел он вниз.
Смотрит смело, мол, держи,
Хоть держать и трудно.
— Белокрылый, ты скажи,
Чей ты и откуда?
Из каких орлиных стай? —
Шепчет солнце: — Не гадай!
Да, тебе с недавних пор
Сон волшебный снится:
У тебя, у сына гор,
Должен сын родиться.

Снежный мост

Там, где луг пестрел в цветах,
Где трава в олений рост,
Летом, в знойный день, в горах
Появился снежный мост.

Он на солнышке сверкал,
Словно был из серебра.
Любовалась среди скал
Им высокая гора.

Мост поднялся над водой,
Словно мраморный, блестел.

Может, нарт своей рукой
Чудо здесь создать сумел?

Удивлен малыш Унух,
Задаёт такой вопрос:
— Кто же, дорогой пастух,
Тут построил снежный мост?

— Помню, раннею весной
Над рекой, из снега весь,
Был лавиною большой
Этот мост построен здесь.

Белая Овечка

Здесь, среди теснин, видна
Маленькая речка.
Называется она
Белая Овечка.

Стережет её гранит —
Каменные стены.
Серебро воды звенит
В обрамленье пены.

Речка звонкая поет
Голосом кобуза,
Струи светлые несет
С ледников Эльбруса.

Не состарили года
Речку, и снегами
Пахнет сладкая вода,
И еще — цветами.

Пляшет летом и зимой,
Льется водопадом
И беседует с луной
И со звездным стадом.

Все рокошет в тишине
Маленькая речка.
Снится детям при луне
Белая Овечка.

Красные скалы

Здесь к утесу — утес, будто к парусу — парус.
Словно древние крепости и корабли,
Встали красные скалы — за ярусом ярус,
Как знамена свободы восставшей Земли.

Эти гордые горы тверды, нерушимы,
Их лучи опаляют, их моют дожди.
Все мне кажется — путь озаряют вершины.
Так народы ведут за собою вожди!

Пролетают над ними веков караваны,
И плывут облаков голубые ряды.

Но утесы крепки и, как прежде, багряны,
Цветом яростной крови орлиной горды.

И, наверное, здесь родилась на рассвете
Огнекрылая птица — свободы заря.
Может быть, потому и красны скалы эти
И шумят, как знамена, над миром горя.

Отцовская бурка

Годы, что клин журавлей над горами,
С криком прошли и сокрылись во мгле.
Лучшие люди уходят с годами,
Мужество вечно живет на земле.

Самое славное и дорогое
В песенных шумных хранится лесах.
Память горда именами героев,
Старые бурки остались в домах.

Бурка лохматая, с турьего рога
Свесилась добрая бурка отца.
Будто бы в детстве, стою у порога
Там, где на свете война без конца.

Горы седеют, и люди стареют,
Реки мелеют в ущельях родных,
Черная бурка от горя седеет,
Молча и праведно к ней я приник.

В доме храню я отцовскую бурку,
Годы, что клин журавлей, утекли.
Бурка отцовская светится, будто
Знамя Победы во имя земли.

Предание о Казбеке

Теснины скал, одетых сонным снегом,
В дремоту погружаются во мгле.
И горный вихрь, пресытившийся бегом,
Как юный горец, дремлет на скале.

Спят горы, недоступные от века,
И ночь течет, как медленный напев,
Но полыхают жарко льды Казбека,
И небеса алеют, просветлев.

По снежным крыльям ласковое небо
Стекает звонким лунным серебром...
Мне слаще меда и дороже хлеба
Родных потоков перекатный гром.

О гул легенд и песен о Казбеке!
Я их слова в дороге повторял,
И пели в лад стремительные реки,
И пенным струнам отвечал Дарьял.

...Скитались гуси дикие когда-то.
Один из них спустился и отстал,
И стая не заметила утраты,
Не оглянулась на уступы скал.

Растаяли в струе лазури гуси,
Окаменел оставшийся один.
И брата распознал в седом Эльбрусе,
В семью вершин вошел как властелин.

Высок полет пришельца над горами,
И недвижим его алмазный снег,
Пылает ровно ледяное пламя,
Глядит на звезды дикий гусь Казбек.

ПОЭМА

Поэма

Я любил жизнь и за ее красоту вступил в бой.

Юлиус Фучик

1

Над черной землею,
 над платьем красным
Черный ветер ревет в трубе,
Он словно к страшным пыткам причастен,
Он словно разбойник — в дикой гульбе..
В глазах Марии! —

врагам проклятье,
Ее не согнули ни боль, ни неволя.
Тревожные красные пятна — на платье,
В огромных глазах — отражение боли...
Из этой жестокой темницы с оконцем
Рвутся слова, устремляясь на волю:
«Мир вижу грядущий из радуг и солнца,
Я верю в счастливую светлую долю..
Враг, надо мною глумясь, свирепел,
Лютой, страшною смертью грозя...

¹ Мария Кудержикова — юная чешская коммунистка, казненная в 1943 году нацистами за участие в движении Сопротивления. В день казни она отрезала свои косы и попросила передать их ее матери вместе с вещами.

Можно меня повести на расстрел,
Веру мою расстрелять нельзя».

2

Угрюмые, грозные тянутся дни,
Сменяют их длинные хмурые ночи.
Когда угасают в окошках огни,
Еще тревожней матери очи...
Смешались тревога, буран, темнота..
И вспомнились матери косы Марии,
Их темная мягкость и теплота...
И матери легче идти в буране,
И легче у бога, у неба просить:
— Верни мою дочь!
Унеси ураганы!
И мир от великой беды спаси!

3

Темная Прага еще дремала.
Светлый сон снился Марии.
Детство, все в белом, с бантами алыми,
Темные косы, как ливни синие..
Широкий двор, голубые деревья.
Весной румяной, на самом рассвете,
Поют касатки у гнезд весенних,
Мир из цветов — и ярок и светел...
И мать вышивает в зеленом саду
Красным по белому шелковой гладью.
И вот под руками цветы цветут,
И девочка глаз не отводит от матери..
Вот осень.

Мать дочери в косы вплетает
Алые ленты сентябрьским утром.
Мария с портфелем в школу шагает,

И кажется мир ей добрым и чутким...
Нарядная, гордая и веселая
Идет незнакомому миру навстречу:
— Доброе утро, небо высокое!
Речка прохладная, добрый вечер!.. —
А за спиной — ни одной грозы,
Лишь алая лента течет из косы...

4

И ночью, и днем Мария молчит.
И ночью, и днем — допросы, допросы...
И белобрысый фашист кричит:
— Будешь молчать, повесим на косах!.. —
Холодные стены, железо горячее.
По хрупкому телу — плети незрячие.
Четыре стены, четыре солдата...
Губы Марии упрямо сжаты...
И снова вопросы, и пытки сначала.
— Как твое имя? —

Мария молчала,
Врагам и теперь ничего не ответив.
А имя девушки было —

Бессмертье!
Фашистский сапог кован, тяжел.
Под ним булыжник и тот кряхтит,
Под ним мосты издают стон...
А Мария упорно молчит...

5

Как могила, спит тюрьма ночами.
Плачет Чехия, Словакия в печали.
В камеру Марии песнь влетела,
Словно бы сбежала от расстрела.
Может, то — подслушанная песня,

Может, песня собственного сердца:
— О, моя Словакия любимая!
Где цветы долин твоих и гор?
Боль к тебе пришла невыносимая,
В твое сердце целятся в упор!
Горе тяжелей, чем горы гордые,
Нынче у Моравии моей.
Пусть грозят враги нам непогодою,
Доживем мы до счастливых дней!

6

Пальцы словно чужие,
В камере темень и стужа.
Пишет письмо Мария
Пальцами непослушными.
Может, письмо прощальное:
«Мама, не будь печальною...
Здесь научилась страдать я
За судьбы всего человечества.
Врагам посылаю проклятья!
Славлю свое Отечество!

Каленым железом не выжечь
Воли моей стальной.
Себе прикажу я выжить,
Выиграть этот бой!
Нацистский судья недавно
Вынес мне приговор.
Не расстрелять им правды!
Пусть стреляют в упор.
Мама, пойді в наш садик...
Вспомни свое шитье.
Цветок вышивала ты гладью,
А вышила сердце мое...

Идет пора больших потрясений,
И зов свободы уже я слышу.
Скоро будет земля весенней,
Я, мама, вернусь под родимую крышу...
Осилю я непогоду эту злую,
Не сдамся, отпор дать сумею врагам.
Мама, как косы мои тоскуют
По добрым и теплым твоим рукам...»

7

Сосны шумят у тюремной стены...
Черные сосны — как будто с войны.
Шестнадцать месяцев — в камере черной,
Шестнадцать месяцев — пытки, стоны.
А если самой — чуть больше шестнадцати?
Но надо держаться!

Надо держаться!

С одной стороны — черные сосны.
С другой стороны — черный глазок.
За дверью надсмотрщик — черный и грозный.
И, кажется, целит зрачком он — в висок.
Шестнадцать месяцев — пытки, допросы...
Алые косы...

Черные косы...

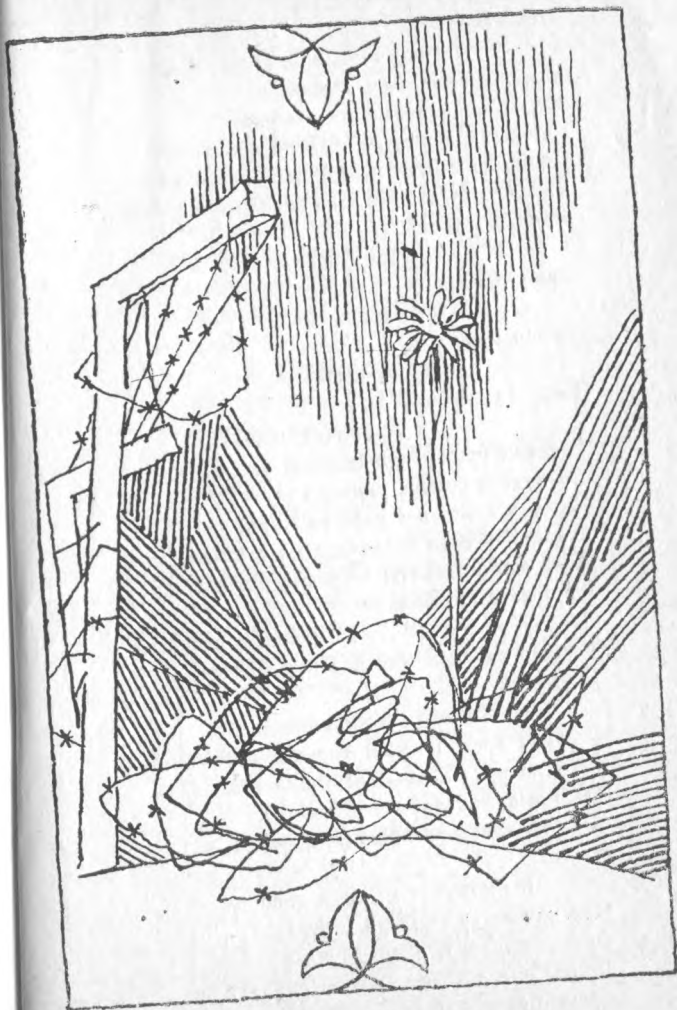
8

Тюрьмы!

Вы помните матерей,
Тех, что стояли в глубокой печали?
Тюрьмы!

Вы помните матерей,
Дети которых в тюрьмах молчали?
Мать...

Ей Марии письмо протянули.

Новых писем не обещали.

Тюрьма!

Ты помнишь спину сутулую
Матери и узелок с вещами?

Их ей выдали вместо дочери.

Скорбная женщина шла по обочине,

Сжимала в руке ослабевшей листочки,

Читала сквозь слезы прощальные строчки...

«Милая мама!

Время расстаться.

Пишу тебе я

прощанья слова.

Умная мама,

ты не печалься.

Умру за свободу —

значит, жива!

Сегодня увижу прощальные шири,

Последнее солнце увижу вдали.

Хочется взять все горести мира,

С собой унести безвозвратно с земли,

Чтоб люди планеты не знали несчастий,

Чтоб не было больше

ни войн, ни ненастий.

Поклон передай мой и утру, и вечеру.

Я ухожу.

Но жить буду вечно я.

Сегодня восход такой пышный и розовый.

Сегодня пред казнью отрезала косы я.

Ты, мама, так косы эти любила,

Тебе передать их я, мама, просила...»

Люди!

Вы помните мать на дороге?

Она ничего не просила у бога.

Она не кричала, лишь глухо рыдала,

Лицом она к косам густым припадала.

Седые пряди блестели в косах!

Седые пряди.

А может, слезы...

9

До плахи совсем недолго идти.
До плахи — целую жизнь прожить...
Короче, длинней не придумать дороги.
По хрупкому телу — ожоги, ожоги...
Под ними — честное сердце большое,
Большое, как небо над головою.

— Мария, ты не жалеешь?

— Нет!

— Умрешь ты!

— Нет, ухожу в рассвет!

— Умрешь ты!

— Нет, на земле буду вечно,

Как небо,

как птицы,

как ласковый вечер...—

Стонут над речкой тихие вербы,
Стынут во мраке великой беды.
Бегут, согнувшись, и плачут ветры,
Не в силах подняться со скорбной земли.
В глазах матери —

боль планеты.

К косам она припадает без слов,
К косам, помнящим алые ленты.
На них застыла

алая кровь...

10

Был я в горах, где жила Мария.
Там соловьи людям песни дарили.
Солнце светило с высокого неба.

Пахло цветами, травою и хлебом.
А по широкой дороге к околице
Шла, напевая, веселая школьница.
Темные косы на солнце блестели.
Яркие бантики в косах алели...

Содержание

Предисловие. Певец гордого Карачая. <i>Кайсын Кулиев</i>	3
--	---

Журавлиный крик

Орлы. Баллада. Перевод <i>М. Синельникова</i> . . .	6
Баллада о мужестве. Перевод <i>Н. Тихонова</i> . .	8
Озеро возвращенного меча. Баллада. Перевод <i>Н. Тихонова</i>	9
Всадник. Перевод <i>Н. Тихонова</i>	10
Сон. Перевод <i>Н. Тихонова</i>	11
Лавина. Перевод <i>К. Симонова</i>	11
Баллада о погибшем брате. Перевод <i>В. Кузнецова</i>	12
Кавказский пейзаж. Перевод <i>В. Бабиченко</i> . . .	14
Героям Марухского перевала. Перевод <i>Г. Орловского</i>	14
«Рыдающим эхом ответит скала...» Перевод <i>М. Синельникова</i>	14
Журавлиный крик. Перевод <i>Г. Орловского</i> . . .	15
После боя. Перевод <i>М. Синельникова</i>	15
«Гром громыхнул...» Перевод <i>М. Синельникова</i> .	16
«Не добратся врагам...» Перевод <i>М. Синельникова</i>	16
В Тебердинском ущелье. Перевод <i>Ф. Чуева</i> . . .	17
Бухенвальд. Перевод <i>Л. Аксельруда</i>	18

Тоска. Перевод Н. Груздевой	18
Когда отцветает в ущельях жасмин. Перевод Л. Аксельруда	19
Город огненного кольца. Баллада. Перевод автора	20
Воспоминание. Баллада. Перевод автора	21
Родник. Перевод Н. Орловой	22
У очага. Перевод М. Синельникова	22

Свет вершин

Родина. Перевод Г. Орловского	26
Эльбрус. Перевод Д. Долинского	26
С Эльбруса я пришел. Перевод М. Синельникова .	27
Большие деревья. Баллада. Перевод Т. Кузовле- вой	28
Весенний день в Пятигорске. Перевод Т. Кузов- левой	30
Песня чабана. Перевод М. Синельникова	31
Осенняя акварель. Перевод М. Синельникова . .	32
Зеленый мир. Перевод М. Синельникова	33
Ночная гроза. Перевод М. Синельникова	33
Облака. Перевод Г. Орловского	34
Матери. Перевод В. Савельева	35
«Детей, как листья...» Перевод Г. Орловского . .	36
«Камней не видим под ногами...» Перевод М. Си- нельникова	36
Жить нелегко. Перевод В. Савельева	37
«Не одна ли, о горы, прекрасная мать...» Перевод М. Синельникова	38
«В огне готов гореть...» Перевод М. Рихтермана .	38
Огонь в горах. Перевод Г. Орловского	38
Мои годы. Перевод М. Румянцевой	39
Свет вершин. Перевод М. Синельникова	40
Родному народу. Перевод М. Синельникова . . .	41
Волна и камень. Перевод Ф. Чуева	41
Терек. Перевод М. Синельникова	42

Черный сон. <i>Перевод Ф. Чуева</i>	43
Разговор с покойным другом. <i>Перевод М. Синельникова</i>	44
В ночь смерти матери. Баллада. <i>Перевод М. Рихтермана</i>	44
«Я становлюсь то птицей, то растением...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	46
В небе Родины. <i>Перевод М. Синельникова</i>	46
С вершинами наедине. <i>Перевод М. Рихтермана</i>	48
Мой кунак. <i>Перевод М. Рихтермана</i>	49
Ручей. <i>Перевод автора</i>	50
«Дорога в степи...» <i>Перевод Л. Аксельруда</i>	50
Койшаурская долина. <i>Перевод Д. Долинского</i>	51
Азербайджан. <i>Перевод М. Синельникова</i>	52
Современник Лермонтова. <i>Перевод В. Краско</i>	54
Мое гнездо. <i>Перевод В. Краско</i>	56
Домик Лермонтова. <i>Перевод В. Савельева</i>	57
Одинокая могила. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	57
У могилы матери Кайсына Кулиева. <i>Перевод В. Савельева</i>	58
Подкова. <i>Перевод М. Синельникова</i>	60
Чучхурский водопад. <i>Перевод Д. Долинского</i>	61
Явился я на белый свет. <i>Перевод Я. Козловского</i>	62
Золотой лист. <i>Перевод Ю. Щелокова</i>	63
«Лучше быть мне травинкой...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	64
Родная земля. <i>Перевод М. Синельникова</i>	66
Мои стихи. <i>Перевод М. Синельникова</i>	66
Водопад. <i>Перевод А. Борисовой</i>	66
Себе. <i>Перевод Г. Орловского</i>	67

Земля Манаса

Потомок Манаса. <i>Перевод М. Синельникова</i>	70
Дерево Манаса. <i>Перевод М. Синельникова</i>	72

Могила отца. Перевод М. Рихтермана	73
Баллада о перевале Сан-Таш. Перевод М. Синельникова	75
Аил Шавай. Перевод М. Синельникова	77
Жаворонок. Перевод М. Синельникова	78
Солдат и пахарь. Перевод Ф. Чуева	79
Жажда пустыни. Перевод М. Синельникова	80
Луна над юртой. Перевод М. Синельникова	82
Киргизское солнце. Перевод М. Синельникова	83

Жду тебя

Верю. Перевод М. Румянцевой	86
«Безмолвие...» Перевод М. Синельникова	88
Улыбнись! Перевод А. Борисовой	88
«Ночная тень...» Перевод Л. Аксельруда	89
В часы разлуки. Перевод А. Борисовой	89
Будь верна любви. Перевод Т. Кузовлевой	90
Дочь степей. Перевод В. Краско	91
Жду тебя. Перевод А. Борисовой	94
Девушка из Сибири. Перевод Г. Орловского	95
Приди. Перевод Н. Груздевой	96
Лунная сказка. Перевод М. Рихтермана	97
«Желтый день печали...» Перевод М. Синельникова	98

Снежный мост

Колыбельная. Перевод Н. Груздевой	100
День рождения дочери. Перевод М. Синельникова	102
Кому дороже сон. Перевод М. Синельникова	103
Баллада об орленке. Перевод А. Екимцева	103
Снежный мост. Перевод автора	104
Белая Овечка. Перевод автора	106

Красные скалы. Перевод М. Синельникова . .	107
Отцовская бурка. Перевод Ф. Чуева	108
Предание о Казбеке. Перевод М. Синельникова	109

Поэма

Алые косы. Перевод М. Румянцевой	112
--	-----

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении, направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*